

В ЛАГЕРЕ БЕССТРАШНЫХ

Куда ни обернись — фронт. На востоке и на западе, на севере и на юге можно увидеть над лесом черные хлопья шрапнельных разрывов, ночью — осветительные ракеты. Это советский район в тылу врага. Он был очищен от немцев десантниками. Отбивая все атаки немцев, нанося тяжелые удары по немецким гарнизонам, десантники при поддержке всего местного населения прочно удерживают район в своих руках. Вместе со всей страной этот район встретил в труде и боях первомайский праздник.

1. НА СПИНЕ ПРОТИВНИКА

Еще вчера юноша танцевал в клубе своей части. Гудела музыка, ярко горел электрический свет, пахло духами.

Сегодня он приехал на аэродром, вошел в кабину большого воздушного корабля и поднялся в воздух. В раскрытые двери кабины врывался вихрь. Парни с парашютами на груди сидели на корточках вдоль стен кабины. Несмотря на рев моторов, казалось, что здесь царит торжественная тишина.

Бликие разрывы снарядов, удары осколков о плоскости. Парни тесней прижимаются друг к другу. Потом облака. Светлое пятно — луч вражеского прожектора — ползает по облаку, как по экрану. Но самолет — по другую сторону экрана, в безопасности.

Команда. Парашютисты один за другим подходят к раскрытой дверце и бросаются в белую бездну, навстречу всему, что только способно представить человеческое воображение, на землю, занятую врагом. Кольцо. Раскрывшийся парашют встряхивает тело юноши. Купол над головой светлый, как второе небо.

Ожидание этого рывка занимало все внимание юноши. Теперь он с облегчением вздыхает и вспоминает о враге.

Автомат, который висел вниз стволом вдоль тела, он передвигает на грудь. Удивительная, ошеломляющая тишина царит в мире. Юноше кажется, что он оглох, и он вполголоса произносит несколько слов, для

себя. Мягкий толчок о заснеженную землю. Погасив парашют, юноша ложится и прежде всего осматривает снежное поле вокруг себя. Он отстегивает стропы, еще раз осматривается. Деревни не видно, только снежное поле и вдали лес. Он дает несколько миганий фонариком и, не получив ответа, решает переждать до утра. Он зарывается в снег. Ему еще мерещится музыка, что гремела тогда в клубе. Электрический огонь озаряет и вспугивает его дремоту. Нет теперь музыки. Нет электрического света. Нет улыбающейся девушки. Пурга, поле... Мягкое белое покрывало снега. И ожидание: в любую минуту из-за любого куста может появиться враг. Время от времени юноша шевелит в валенках пальцами ног, чтобы не обморозить их.

На рассвете, стряхнув снег, он видит бредущего по полю человека. Мигание фонариком помогает ему опознать товарища.

Двое — это, по понятиям парашютистов, уже сила. Они идут по глубокому снегу опушкой леса к деревне, что темнеет на горизонте, и по дороге в течение дня встречают еще несколько товарищей. В сумерках юношу посылают в разведку. Он входит в село. Охраны нет. Он стучится в оконце самой неказистой избенки: заранее известно, что в таких реже всего останавливаются фрицы.

Испуганный женский голос:

— Кто там?

— Русский. Выйди, хозяйка.

В сенцах:

— Немцы в деревне есть?

— Ох, сидят, немые дьяволы. Беги отсюда, сыночек.

— Сколько?

— Много. Гляди, человек двадцать. Как же ты, родненький, попался-то сюда? Люди ушли из окружения, а ты не сумел? Ты заходи, обогреешься, поешь дам: картошка пока вольная, припрятали. Да иди-ка отсюда! Ох, беды наживешь...

— В каких домах живут немцы?

Закон парашютистов — действовать внезапно и дерзко.

Устроив засаду около домов, занятых немцами, они зажигают сарай и бросают в окна по гранате. В домах перелолох. Немцы выбегают и падают под огнем автоматов. Трескотня автоматов создает впечатление большого боя. И когда бой утихает, когда произведен осмотр домов и из-под полов, с чердаков извлечены перепуганные фрицы — эти сытые тыловые хари, разъевшиеся на чужих хлебах, — юноша ложится спать в освобожденной деревне. Подростки и старики с немецкими винтовками охраняют его сон.

Кто этот юноша, этот бесстрашный воин? Как его имя?

У него тысячи имен. Это советский парашютист-десантник — гордость нашей молодежи, краса комсомола.

Лишь подробности первых шагов различны.

Если это младший лейтенант Клочков, то он уже во время спуска увидел летящие к нему цветные иглы трассирующих пуль, а внизу черные фигуры немцев. Приблизившись к ним, пролетая над ними, он

бросил одну за другой две гранаты. Вторая взорвалась на цели, и две фигуры повалились на снег. Торопливая стрельба остальных перепуганных фашистов не помешала Клочкову уйти в лес, хотя во время перестрелки пуля выбила из его руки наган.

Если это политработник Лютов, то он, выполнив свою первую задачу с группой в четыре человека, прошел для соединения с ядром десанта 50 километров по компасу. Поход растянулся на неделю. Чтобы облегчить передвижение по снегу, комсомольцы сделали себе снегоступы из досок. Но потом, когда они вошли в одну не занятую немцами деревню, крестьяне смастерили им настоящие лыжи.

Если это лейтенант-разведчик Шурубей, то он с двадцатью автоматчиками по всем правилам атаковал большой вражеский гарнизон в деревне О. Ночной уличный бой продолжался четыре часа. Немцы оставили 18 убитыми и 11 пленными. Парашютисты потеряли троих, но при этом спасли одного своего товарища, который спустился прямо в эту деревню, в палисадник занятого немцами дома, был схвачен раньше, чем успел отцепить парашют, перенес зверские пытки гестаповцев и, раздетый, разутый, ждал смерти. Фашисты хотели повесить его на стропах парашюта, но не успели. Он выбежал на улицу босой и принял участие в бою. Когда немцев выбили, были найдены и его оружие и его сапоги.

В деревне О. парашютисты захватили артиллерийский склад, пушку, 10 автомашин, винтовки, автоматы и генеральскую шинель.

Кровь, пролитая на родную землю во имя вызволения ее из плена, скрепляла клятву бойцов отстоять свою родину. И они шли в новые бои с еще большей отвагой, выказывая сверхчеловеческую стойкость и выносливость.

Они совершали многодневные походы по лесам, ночевали в шалашах или рыли в снегу яму, края ее застилали ветками, в середине раскладывали костер и сидели вокруг костра живым венком, положив голову друг другу на плечо и протянув ноги к огню.

Каждому случалось съесть в походе последний сухарь.

А представьте раненого, которому только успех наступления сулит тепло и сохранение жизни. Раненый не выходит из сражения, пока держится на ногах.

Красноармеец Р. был ранен разрывной пулей в лицо. Перебитая нижняя челюсть повисла. Р. показал командиру, что хочет подорвать себя гранатой. Командир ответил:

— Нет.

Сжав гранату в руке, боец пошел в атаку.

Группы парашютистов соединялись с боями и уже в ходе этих боев освободили от врага значительную территорию.

Крестьяне передавали из села в село: «К нам слетели парашютисты». И, вооружившись, шли на помощь. Мальчишки высылали в поле свои дозоры.

Опускается парашютист и вдруг слышит детский, дрожащий от страха голосок:

— Свои?

— Свои, — отвечает парашютист. — А ты, малец, что тут делаешь? Приосанившись, малец отвечает:

— Вот чего. Ваши собираются на КП. Так и быть, провожу.

КП — это командный пункт. Мальчишки отлично владеют военной терминологией.

Такие дозоры встречались даже меж деревнями, занятыми врагом, причем мальчишки выводили парашютистов к своим и иногда дарили что-нибудь вроде немецкого пистолета.

В одном сражении парашютисты получили неожиданную поддержку со стороны партизан, пришедших из леса на шум боя.

Стихийно возникали новые отряды.

Здесь партизаны и теперь с гордостью говорят:

— Я в отряде с того дня, как слетели первые парашютисты.

Слова эти, «первые парашютисты», произносятся с особым выражением, как «первый дождь», как «первая любовь».

Это был подлинный праздник во всей округе. Ликовали люди не только оттого, что вот изгнаны из деревни фашисты — насильники, убийцы, грабители, но еще от сознания, что, значит, у немцев силушки поубавилось, а у нас прибыло.

Так и говорили парашютистам:

— Ведь раньше наши всё уходили из окружения, а теперь вот сами прилетели в окружение и распугали немцев.

Фрицы постепенно приходили в себя; начались их контрнаступления. Парашютисты отбрасывают одну атакующую часть за другой. Они крепко держатся на спине врага. Стойкость в обороне и при проведении дальнейших операций делает десантникам еще больше части, чем успехи первых внезапных дерзких ударов.

А немцы снова и снова организуют экспедиции на уничтожение десанта.

Мы прилетели к парашютистам в дни, когда начался один из таких походов.

Развернув карту, командир Казанкин показал красные и синие скобки наших и немецких гарнизонов, синюю стрелку, обозначающую направление их удара.

Принесли радиogramму. Казанкин пробежал ее и отпустил десантника-радиста с наказом:

— Смотри, сынок, все время держи связь.

И, вернувшись к карте, продолжал:

— Вот тут наблюдается движение. Фашисты под прикрытием танка по целине, рядом с дорогой, двигаются к деревне Б., которую им удалось занять. Их цель — расчленив наши силы и уничтожить. В лесу, близ дороги, вот здесь, действует капитан Поборцев со своими людьми. Это отличный командир. И участок его сейчас очень ответственный. Он находится у порога деревень, откуда немцы развивают наступление.

2. ВЕСНА ИДЕТ...

Еще не отощали сугробы, еще оружие смазывается незастывающим веретенным маслом, но уже по утрам похрустывает под ногами ледок на тропинках, и оживающие ветки берез стряхивают снежную бахрому, а дым канонады подолгу висит над кустарником в теплом и влажном воздухе.

Прилетели скворцы, щебечут на крылечках скворешен, укрепленных на развилках деревьев. Только нынче не любуются ими детские глаза из окон: нет ни окна, ни дома, — деревню спалил немец. И боец проходит мимо играющих скворцов с замкнутым, сжавшимся сердцем.

Усталый разведчик, стоя по пояс в снегу, сорвет бархатистую почку вербы, разотрет между пальцами. Весна! И решительно бредет дальше, чтобы поскорее с родным ароматом набухающих почек смешать едкий запах порохового дыма.

Путь к передовым позициям идет по весенней израненной земле. На ослепительно белом поле чернеют воронки с рваными приподнятыми краями. Вот впереди взметнулся кверху черный фонтан. Следующий снаряд прилетит через несколько минут и разорвется где-нибудь рядом. Успеем ли проехать? Медленно тянутся мгновения. Проехали.

Деревня, разбитая немецкой артиллерией. Вот вырвана целая стенка; подушка на дороге. Красноармеец везет на санях раненых детей на перевязку к врачу.

Лес с искалеченными деревьями. Лежит тополь, срубленный миной, а все-таки почки на голых ветвях набухают, наполняются весенними соками.

А вот наконец и Поборцев. Он полулежит у костра, в шалаше из еловых ветвей. Здороваается, произносит несколько слов и снова молчит. Отдыхает? Нет, он работает. Это один из тех командиров, которые работают всегда.

Творческий труд командира.

Вот он посмотрел карту, отложил, подбросил прутьев в костер. Опять посмотрел. Вызывает начальника разведки. Показывает на карту.

— Послушай, Сафончик, вот к этому повороту дороги кустарник близко подходит? Укрыться можно?

— Можно, можно.

Опять о чем-то думает Поборцев.

— Разрешите идти? — спрашивает разведчик.

— Ступай, Сафончик, ступай.

Сафончик — фамилия лейтенанта, но Поборцев так мягко ее называет, как будто это ласкательное прозвище, как будто на самом деле лейтенанта зовут Сафоновым.

Они оба — белоруссы. Их роднит затаенная общая скорбь. О чем бы ни шел разговор, они помнят о родном народе, стонущем в неволе.

Поблизости рвутся снаряды; время от времени, исступленно визжа, пролетает шальная пуля.

Выстрел орудия. Свистит снаряд.

— Мимо, перелет, — спокойно отмечает Поборцев.

Парашютисты только что спустились на землю. Они собрались к назначенному месту. Командир Казанкин объясняет им обстановку.

Такой продолжительный свист можно услышать только при перелетах.

Еще, еще, еще. Бьет пулемет. Это по нашей опушке.

Поборцев вызывает по телефону минометчиков:

— Сосна? Что-то фрицы завозились. Дай штук пять беглым. Ты там пулемет засек?

Один за другим слышны пять хлопков. Над деревьями с шелестом летит стая мин. Пять разрывов.

Наблюдатель доносит: разрывом мины пулемет выброшен из блиндажа, немцы волокут убитых к дому.

Опять:

— Сосна? Дай пять по дому. Через десять минут повтори. Для насыщенности.

Поет зуммер наподобие закипающего чайника. Поборцев берет трубку. Засада на опушке леса сообщает, что из деревни вышел обоз. Десять подвод. Ведут одну корову. Движение по направлению к Б. По обыкновению, обоз сопровождают пехотинцы. Впереди танков противоминная разведка — саперы.

Поборцев командует в трубку:

— Огневое нападение всеми средствами! Танки? Знаю. Приказание понято?

Томительное ожидание.

— Вот как ходят немецкие обозы в их собственном тылу,— отмечает Поборцев безучастно. Он ждет. Лежит, опершись на локоть, прислушивается.

Внятно и гулко заговорил пулемет. Впереводку торопливо вторят ему автоматы.

Поборцев с облегчением вздыхает:

— Наши.

Действительно, бойцы засады открыли огонь по обозу. Немцы не знали, что засада подкралась по лесу так близко к дороге. Минута — и перебиты все лошади, упала корова, падают или разбегаются пехотинцы.

Тогда разворачивается один танк и идет целиной к опушке, обстреливая лес из орудия. Пулеметчик Иванов продолжает свое дело. Рядом с ним падает раненный осколком второй номер. Подползают бойцы, укладывают его на плащ-палатку и по соединительному ходу несут в тыл.

Иванов продолжает стрелять.

Стреляет также противотанковое ружье. Танк не решается приблизиться. Он бьет из орудия.

Засада умолкает. Иванов сидит один в парной ячейке, за снежным бруствером, прикрыв еловыми ветками лужу крови.

Но когда из деревни выходят новые подводы и немцы начинают переваливать груз из саней в сани. Иванов вновь открывает огонь. Вновь падают убитые немцы. Вновь бьет из орудия танк. Снег, подымаемый близкими разрывами, то и дело осыпает Иванова.

Немцы не решаются тянуть обоз в Б. Под прикрытием танков обоз на новых лошадях уползает назад, в деревню.

Иванов уходит в глубь лесочка, в шалаш, и, повалившись на еловые лапки, тут же засыпает. Напрасно тормозит его товарищ, комсомолец Денисов.

— Да ты не ранен ли?— спрашивает Денисов встревоженно. Иванов не отзывается.— Вставай, вставай, я хлебом поделюсь.

Иванов просыпается лишь в полночь.

К нему подсаживается Семенов, секретарь комсомольского бюро.

— Как ты думаешь, не пора тебе вступать в комсомол?

— Теперь пора,— отвечает Иванов,— мне хотелось после удачного боя.

Он берет карандаш и неровными буквами пишет:

«Прошу принять меня членом комсомола. Я оправдаю звание ленинца, буду драться с врагом так же, как 8/IV-42: уничтожил до 15 фрицев.

Иванов Вячеслав».

— Откуда родом?— спрашивают Иванова.

— Из Чувашии.

На фронте люди отлично знают друг друга, но редко интересуются прошлым. Здесь человек так полно проявляется за один час боя, что к этому ничего не добавишь.

— У тебя дрожит рука?

Оказывается, пулеметчик нездоров. Утром с трудом поднялся. Хотел сказать, а тут вскоре бой. Пошел к пулемету. Не стал говорить.

Приносят градусник. Иванов меряет температуру: сорок. Его отправляют в тыл.

На командном пункте на прощанье Поборцев дает Иванову часть своего ужина.

Все так же потрескивает костер. Поборцев любит, чтобы около был веселый огонь. Глянув на часы, он говорит дежурному телефонисту:

— Я отдохну. Через тридцать минут разбудишь.

Но через пять минут подымает голову и вызывает разведчика:

— Ты слышал?

— Сова.

— Она прокричала третий раз. Надо разведать. Сова ли?

Пора. Вместе с Поборцевым идем через лес мимо часовых и забираемся в наблюдательный блиндажик впереди переднего края. Нас четверо здесь. Сверху сеется в тумане мелкий дождь-снег.

Свежеет ветерок, угоняет туман. Проступают звезды.

Сидит Поборцев, прислушивается к шорохам ночи. И видно, что каждый шорох он понимает, — все ему тут родное.

За бугром сидят немцы. Непонятной и зловещей кажется им ночь на чужой земле. Потому и бросают они каждую минуту осветительные ракеты.

Фронтное небо — это целая книга. Слышен рокот моторов, качаются на горизонте белые столбы прожекторов, медленно-медленно, нехотя ползет там к зениту череда разноцветных трассирующих пуль; постепенно вереница распадается и гаснет. Медлительным полет их кажется потому, что это далеко.

— Тс-с-с! Летит! — говорит Поборцев шопотом.

— Немецкий?

— Наш, не мешай. Бусел!..

Бусел — это по-белорусски аист.

Приподнялся Поборцев, слушает редкие вскрики, роняемые с высоты стаей аистов. Они летят в Беларусь.

Может быть, Поборцев думает о родной деревне. Он оставил семью у стариков. Пожалуй, проклятый немец сжег деревню. Очень уж в деревне хороший народ. Небось, партизанят. Прилетит прошлогодний аист — нет старого гнезда. Нет деревянной бороны на крыше, нет и самой крыши. Долго будет пара аистов с криком летать над пустырем. Со слезами будут слушать этот крик дети Поборцева, приютившиеся где-нибудь неподалеку на хуторке.

За бугром сидят немцы. Не слышат они полета чужих птиц. Не глядят на чужое небо. Шипя, взлетают над ними ослепительные ракеты.

Но наши ползут и ползут по снегу, под родным небом, ближе и ближе к вражеским окопам. И вот винтовочный выстрел. И тотчас — хлоп! хлоп! хлоп! И из нашего тыла летит, шелестя, стая мин. Ба-а! Ба-а! Ба-а!

Пулемет, автоматы. Зарево — что-то горит там, у немцев, в трехстах метрах от мокрого блиндажика.

— Так, хорошо! — приговаривает Поборцев.

Это не атака, это только демонстрация наступления. Чтобы каждую минуту помнил немец, что здесь, на чужой земле, его ждет смерть, только смерть.

— Так, хорошо!

Полусогнувшись, по склону бугра идет человек. Поровнявшись с блиндажиком, он говорит:

— Там один боец выбыл из строя. Было пять.

— А кто выбыл?

— Я.

— Какие люди! — говорит капитан любовно. — Думает не о ране, а о том, что выбыл один из пяти.

Близится утро. Приходят саперы, и Поборцев ползет с ними вперед, к дороге. Он сам хочет указать, где заложить мины.

Помнишь ли ты, притаившаяся во тьме Беларусь, о своих нежных сыновьях, о Поборцевых? О тех, кто ползет навстречу врагу, кто даже отдыхает с автоматом в изголовье?

К рассвету Поборцев возвращается. Он очень доволен. Ловушка поставлена. Уничтожать танки — вот самая трудная, но и самая святая задача десантников в обороне.

Имеются сведения, что немцы развивают наступление. Они вклинились в советский район. Бить их, не давая ни минуты отдыха! Охотиться за танками по примеру героев, которых немало уже породили сражения в тылу врага! Сейчас, когда немцы идут в наступление, каждый помнит происшедший недавно необычный поединок человека с танком. Перед глазами десантников подвиг комсомольца Карпова...

3. ПОЕДИНОК

Мыслимо ли это? В состоянии ли человеческий разум принять такое решение, а человеческие нервы выдержать напряжение такого поединка? Да, в состоянии. С двумя минами, прижатыми к бокам, Карпов выбежал из-за угла дома навстречу черному вражескому танку, который мчался по улице, вздымая снежную пыль. Человек и танк сошлись на короткой дистанции, так что уже не могли разминуться, тем более, что с обеих сторон были дома. Танк не успел бы даже выстрелить. Его оружие на такой дистанции — это гусеницы. Танк сделал рывок вперед: стальная громада спешила накрыть человека, которого водитель, разумеется, считал неудачливым беглецом. На самом же деле человек вышел на смертельный поединок.

Бойцы подразделения лейтенанта Шугая осматривают уничтоженный ими немецкий танк.

Поединок продолжался всего лишь несколько мгновений. Впрочем, нет — он начался давно, этот поединок.

Карпов знал, что в мире существуют силы, ставящие целью своей унижить и поработить свободные народы.

Когда фашистские самолеты клевали и терзали живое тело республиканской Испании, кулаки мальчика сжимались от гнева. Как и многие дети в деревнях Салтыковского района, под Пензой, да и по всей стране, Карпов тогда носил шапочку испанского республиканца. Несомненно, уже тогда внутренне он готовился к поединку с черным смертоносным смерчем фашизма, который гулял по далекой земле.

С тех пор представление Карпова о добре и зле стало более полным. Мускулы его окрепли. Он был трактористом, когда смерч войны вступил с запада на нашу землю. Не согнулись наши дубравы перед чужим ветром. И никому не заставить Волгу побежать вспять.

Карпов идет в райком комсомола, идет в райвоенкомат, и вот самолет несет его, добровольца-парашютиста, на запад, и он, скользнув по плоскости самолета, летит в белую снежную пропасть. Затем с бесстрашными своими товарищами он входит в села, изгоняя фашистов. Он видит столько человеческого горя, что если бы даже в груди его был камень, а не живое сердце, то и камень расплавился бы от гнева и ненависти. Немцы убивают детей за то, что те плачут по ночам,

матерей—за то, что они утешают детей. В одной деревне Карпов узнает историю чахоточного крестьянина. Чахоточный кашляет кровью, его не взяли в армию. Он остался около своих детей, смирившись с мыслью, что весной он все равно умрет. Он хотел, чтобы дети слышали последние его слова. Приходит один немецкий грабительский отряд. Отобрана корова, а без молока больной протянет меньше, чем рассчитывал. По ночам он бессильно рыдает один на печи, прячась от детей. Приходит второй отряд. Немцы не расквартированы в этом селе, они бывают здесь налетами. Приходит третий отряд. «Матка, молоко!» опять кричит немец. Молока нет. «Матка, никс хорошо». Немец стреляет из автомата в потолок. И затем грабители начинают выметать, выгребать все съестное, что находят в доме.

И вот чахоточный сполз с печки. Руки его и ноги дрожали не только от слабости.

— Уйдите, — сказал он. — Себя не пожалею, уйдите! Ох, зачем же я не ушел к партизанам! У меня дети. Не трожьте последнее, уйдите! — И чахоточный вырвал у немца мешок с картошкой.

Немцы оживились. Бунт? Рус — партизан? Они сорвали с чахоточного одежду, связали его, вынесли на улицу и, бросив на дорогу под окнами, стали обливать водой. Дети видели все это из избы. Их не выпускали. На их глазах тело больного их отца покрывалось ледяной коркой.

Не удалось отцу высказать предсмертный наказ. Но самые его мучения, самая смерть были страстным, незабываемым наказом, который может быть выражен одним словом: месть! Ни один человек, который узнает эту историю, не останется равнодушным к этому наказу.

Поход по растерзанным, сожженным деревням подготовил комсомольца Карпова к поединку.

К этому поединку вели Карпова самые лучшие его, самые благородные чувства и привязанности. Он хотел счастья своей семье и потому не знал страха в бою. Он хотел быть достойным своих товарищей, а десантники — народ безупречной храбрости.

Бывало в первые недели отдыхает Карпов после боя, лежа на снегу, и что-нибудь тихонько напевает. Остановится командир, спросит:

— Поешь?

— Пою.

— Это хорошо. Значит, крепкий духом.

Карпов был душевный парень, любимец подрывников. И на этот раз перед боем он говорил своему другу Тыщенко:

— Если останемся живы, будем друг другу родней братьев.

И это чувство дружбы тоже подтолкнуло Карпова в решительный момент: иди на подвиг.

Нет, поединок продолжался не мгновенья! Уже давно десантники вступили в схватку с врагом в его собственном логове, уже прошли не одно испытание.

Около 10 марта на участке, где действовал сапер-подрывник Карпов,

В глубоком вражеском тылу бесстрашно действовал отряд истребителей, где военкомом тов. Золотаревич. Сверху: комсомольский организатор группы истребителей И. Аксютин читает бойцам свежие газеты. Внизу: зам. политрука П. Рензев возвращается с боевого задания.

Самые лучшие, самые отважные вступают в ряды ВКП(б). Бюро ВЛКСМ бронепоезда дает рекомендацию для вступления в партию большевиков командиру орудия, комсомольцу Г. Водопьянову. Справа налево: секретарь бюро ВЛКСМ, зам. политрука И. Попов; член бюро, зам. политрука Н. Кравченко; сержанты П. Ковырякин, Г. Водопьянов и комиссар бронепоезда В. Спирин.

создалось особенно напряженное положение. Противник повел очередное наступление на уничтожение десанта.

В ночь на 13-е он вел методический артиллерийский и минометный огонь по деревне Н., огонь на изнурение. В 9 утра — шквальный артиллерийский налет. В 10, одновременно с нескольких направлений, пошла в наступление пехота противника: 400—450 человек со стороны деревни А., 100 — 150 — по дороге из Т. Около пятидесяти автоматчиков пробирались заброшенной дорогой в тыл нашему гарнизону.

У десантников крепкие нервы. Их было всего около сотни в обороне, но они не дрогнули, зная губительную силу огня своего оружия. В этой сотне был и Карпов. Заговорили пулеметы и автоматы десантников. Потеряв до семидесяти убитыми, немцы откатились на всех направлениях, но лишь для перегруппировки.

Около полудня немцы вновь пошли в наступление, на этот раз под прикрытием двух средних танков.

Десантники-саперы успели минировать дорогу в лесочке. Но они заложили мины там, где скользят полозья саней. А танк шел одной гусеницей посередине дороги, другой — по целине. Танки прошли. Правда, на минах подорвалась группа пехотинцев, но это не могло иметь решающего значения.

Уже в то время, когда танки преодолевали снежное поле перед деревней, два сапера, два товарища Карпова, ползком выдвинулись вперед и еще раз под огнем танков заложили свои самодельные мины, причем один — Тыщенко — был ранен.

Под ураганным пулеметным огнем немцы не могли разминировать дорогу или хотя бы произвести тщательную разведку. Один танк подорвался. Но другой уже входил на окраину села. Из-за угла дома открыл огонь расчет противотанкового ружья, но не достиг успеха. Танк прямым попаданием снаряда уничтожил расчет. Дом загорелся. Это был центр села. Отсюда основная группа десантников вела огонь по пехоте противника, вступившей в село вслед за танками. Танк шел в центр этой группы. Карпов ясно видел это из-за горящего дома.

У десантников особенно высоко развито чувство взаимосвязи, взаимовыручки. Ведь горстка храбрецов в тылу врага только до тех пор и представляет непобедимую силу, пока все они связаны общим планом, подчинены единой воле. Прорыв обороны у деревни Н. позволил бы немцам выйти в центр округа. И в данную минуту один танк решал судьбу многих и многих товарищей Карпова, быть может, судьбу всей сотни и еще других гарнизонов. И судьбу комсомольца Тыщенко вместе с другими.

Вот в такой обстановке человек вступил в поединок с танком. Ящички-мины стояли на снегу, только что вынесенные из горящего дома. Танк двигался к дому. Через минуту, когда он пройдет, расстреливая десантников из орудий и пулеметов, эти ящички уже станут ненужными. Но сейчас...

Карпов взял ящички подмышки. Танк должен был пройти в десятке метров от дома. В последний раз он взглянул на товарищей. Он

хотел что-то сказать, но вокруг гремел бой и танк приближался. Наклонившись вперед, как если бы навстречу дулу ураган, Карпов бросился наперерез танку.

Раздался взрыв. Эхо этого взрыва разнеслось по всем блиндажам и окопам, призывая десантников к еще большему боевому бесстрашию. Это эхо слышит страна наша, народ, свято хранящий в сердце имена героев. Услышав этот взрыв, пусть содрогаются враги, видя свое бессилие покорить советские народы, видя близкий час отмщения. Эхо этого взрыва прокатится сквозь века. Притихнут наши правнуки, слушая былинку про человека, про красноармейца, про комсомольца, который вступил в поединок с черным танком и, пожертвовав своей жизнью, победил танк и остановил наступающего врага.

4. ЗАСАДА

Сейчас центральные события развертываются на участке перед позициями Ануфриева.

На рассвете идем через поле в другой лес, к Ануфриеву.

Кажется, что стреляют со всех сторон, но встречающиеся десантники спокойны.

Десантники мастерски маскируют места расположения. На этот раз о близости шалашей можно узнать по раненому, которому молодой врач делает перевязку. Раненый сидит на срубленном дереве. Рукав телогрейки его разрезан, а рукав рубахи отрезан вовсе. Красная тряпка валяется тут же на дороге. Ранение разрывной пулей ниже локтя, кость повреждена.

Это сутуловатый здоровяк со смуглым лицом, которое от потери крови не побледнело, а как-то пожелтело. Здоровой рукой он берет горсти крупчатого снега. Комок сразу становится насквозь красным, потому что и здоровая рука в крови,— он поддерживал ею раненую руку. Он жадно ест красный снег и в то же время охотно и рассудительно, только с некоторой нервной поспешностью, отвечает на вопросы врача.

Его зовут Василий Легошин, он — комсомолец, наводчик противотанкового ружья.

— Много там немцев? — спрашивает врач.

— Много. Лезут и лезут.

— Потери им наносите?

— Кладем понемножку.

Легошин все время так говорит — не в прошедшем времени, а в настоящем: мыслями и сердцем он весь в бою. Пока он отвечает, врач ловко орудуя пинцетом, очищает рану. Вот он срезал с рваной поверхности лоскут кожи. Приступив к перевязке, врач умолкает. Разговор о бое он вел с медико-педагогической целью. Нашего бойца ничто так не отвлекает от боли, как разговор о сражении.

Вот и землянка — командный пункт Ануфриева.

Здесь только что получили донесение оттуда, откуда доносится

сейчас отдаленный шум большого боя и откуда пришел Легошин. Это бьется наша засада в тылу врага, в нескольких километрах от своих позиций.

Здесь, у десантников, тоже ведь есть и свой тыл, — хотя весь район простреливается артиллерийским огнем, — есть и фронт, и тыл врага, воюющего с десантом, хотя в то же время весь десант находится в тылу врага, воюющего с нашей регулярной армией. Так вот, засада выслана в тыл врага, на дорогу, по которой ожидалось движение наступающего противника. За ночь отряд целиной преодолел лес, не будучи замечен противником, и оседлал дорогу, возведя по обеим ее сторонам укрепленные точки.

Ануфриев вызывает одного за другим нескольких командиров, отдает приказания.

Это немолодой уже, но размашисто-порывистый человек, сильный, решительный — настоящий русский офицер. Он — человек большой военной удачи, но удача эта не манна небесная, а дело его собственных рук, его воли, его ума. Даже вот и в землянке его как-то особенно уютно, тепло. Бойцы всегда во-время и хорошо, насколько это возможно в здешних условиях, накормлены. Лошади крепче, чем в других подразделениях.

Между тем там, на вражеской дороге, Петр Рева и его сорок бойцов после небольшого перерыва возобновляют бой.

Приходит новое донесение.

«А н у ф р и е в у.

1. Противник до двух рот с двумя танками наступает из деревни В. Один танк нами подбит, убито много немцев. Дорогу удерживаю, несу потери.

2. Противник ведет по нашей позиции огонь из артиллерии и минометов.

В засаде. Снайпер орденоносец Коновалов подкарауливает врага.

3. Одной ротой обходит слева с целью уничтожить группу.
Буду держаться до последней капли крови.

Рева».

В обратный путь по лесной тропе связной уходит с запиской командира и комиссара:

«Рева.

Сражайтесь отлично. Бейте немцев всей силой оружия. Посылаю подкрепление. Ни шагу назад.

Ануфриев, Распопов».

Бой на дороге врага утихает лишь в сумерках.

5. ПО СЛЕДАМ ЗВЕРЯ

Десантники били врага по всей линии его наступления. И вот наконец фашисты стали отходить, отказавшись от своего плана расчленения и уничтожения десанта. Но десантники, разумеется, не отказались от своего плана — бить немца.

Продолжается бой на дорогах. Отряд Ануфриева идет в наступление на деревню, которую два дня назад заняли немцы.

Я направляюсь туда с политработником Цветовым. Когда мы выходим на опушку леса, деревня уже горит, подожженная немцами. Вслед за отходящим противником в нее входит наша разведка. Спешим и мы.

Вот немецкий блиндаж. Здесь стоял их пулемет. Стена забрызгана кровью.

Перед крайним горящим домом — труп замученного красноармейца. Два глубоких рубца пролегли через лицо, проломив нос; голова красноармейца была чем-то туго перетянута. Впоследствии удалось установить, что немцы затащили голову раненого бойца двойной проволочной петлей и волокли его по улице, привязав конец проволоки к танку.

Сжав зубы, бойцы проходят мимо замученного товарища.

Танки немцев только что скрылись в лесочке. Группа наших разведчиков уходит за танками.

Потрескивая, горят дома. Время от времени раздаются взрывы: немцы бросили часть своих боеприпасов, и теперь гранаты, патроны рвутся в огне. Тем не менее бойцы выносят из домов кое-что из имущества крестьян и бросают на дороге и в огородах. Если семья жива, если она прячется где-нибудь в лесу, то каждая спасенная вещь очень и очень пригодится.

Лишь два домика не охвачены огнем — они стоят в стороне, у леса: поджигатели не успели сбегать туда. Разведчики рассказывают, что в этих домах — расстрелянные немцами мирные жители. Они укрылись там от перестрелки. Когда немцы заняли село, то один их танк встал вот здесь, на улице, и стал стрелять из орудия в эти дома, в мирных жителей. Действительно, в серых крышах (дома покрыты дранкой) видны пробоины, местами пробиты и стены.

Вместе с одним из разведчиков иду к этим домам по тропинке. Тропинка кажется крепкой, но хорошо утопанный снег раскис, проваливается под ногами.

Входим в дом. На полу — трупы женщин и детей, засыпанные щепками и щебнем. Трупы в открытом подполье: туда тоже угодила снаряд. Через оконную дыру дует ветер. В темном углу, за кадкой с отрубями, сидит ребенок в коротком пальтишке; лицо у него мертвенно-черное. Сначала кажется, что он застыл. Но нет, глаза поблескивают: живые. Ребенку, вероятно, третий годок.

Подхожу, опускаюсь на корточки:

— Деточка, как тебя зовут?

— Мама нетю, — отвечает ребенок слабым и безучастным голоском.

— Ты давно тут сидишь, детка?

— Мама нетю, — опять отвечает ребенок.

Теперь видно, что лицо его исцарапано мелкими осколками.

Даю ребенку кусок сухаря. Он сжимает его гибкими детскими пальчиками и хочет отправить в рот, но правая ручка не слушается. Рукв пиджачка порван, ручонка в крови: ранение.

Должно быть, ребенок не сознает боли — он полуживой. Не издает ни звука. Но вот он левой ручонкой берет сухарик из правой и несет ко рту.

В дом входят старик, молодая девушка, с ними четверо детей. Дети чужие, прибились в лесу.

Девушка подходит к раненому малышу и узнает его.

— Деда, — говорит она, — да ведь это Парфеновой сынок. А вот это Сладковы Толя и Витя — мертвенькие уже. И посмотреть ведь никого не пускали немцы — сиди в избе, и все. А потом угонять стали с собой. А мы уж спрятались в лесу. «Пусть, — говорим, — лучше сразу убьют». Господи, а вот она и сама, Парфениха!

Лежит на спине мертвая женщина, окровавленное лицо прикрыто платком. Это мать раненого ребенка.

Только теперь открывается во всей полноте трагедия этого дома. Раненый ребенок почти трое суток сидел среди мертвецов. На его глазах умерла мать, которая, конечно, уже во время обстрела спрятала дитя свое за кадку и тем спасла от смерти. А сама умерла на глазах ребенка, прикрывая свое окровавленное лицо, чтобы он не видел. Но он за эти трое суток все-таки понял: «Мама нетю». Больше он ничего не знает еще.

Но он вырастет, и тогда ему расскажут все.

Девушка берет ребенка на руки.

Выходим на улицу. Темно в глазах. Кажется, что день померк, хотя солнце все так же светит в лазоревом небе.

В этот же день отряд Ануфриева занимает еще одно село, а на другой день еще одно, которое немец крепко держал до своего наступления, а теперь вот сжег и оставил.

Теснят немца и на других участках.

Поборцев занимает деревню, откуда несколько дней назад вышел немецкий обоз.

На рассвете иду к Поборцеву. В лесу встречаю бойца, с которым уже разговаривал раньше.

— Как Поборцев?

— А вы не знаете? Умер сегодня на рассвете.

У бойца утомленное лицо. Он еще не умывался сегодня. Две розовые извилистые полоски идут через щеки: это бежали слезинки.

Ночью Поборцев атаковал еще одно село. Во время атаки он был смертельно ранен разрывной пулей в живот. Его повезли в тыл на санях.

— Положите меня к костру, — попросил Поборцев. — Положите меня на бок к костру.

Он очень любил костры.

Его, конечно, не сняли с саней и даже не повернули на бок, потому что раненым в живот полагается лежать на спине.

Он умер дорогой.

Вот шалашик, где был командный пункт Поборцева. Вот бугор, через который он пополз тогда с саперами. На дороге за бугром чернеют развалины немецкого танка. При отступлении танк пошел по этой дороге и наскочил на мину Поборцева.

На позициях, которые недавно были заняты врагом, теперь минометчики из подразделения Поборцева.

6. ЧЕЛОВЕК ИДЕТ В АТАКУ

Итак, провалилась еще одна попытка немцев сбросить десант со своей спины. Почему? Неужели немецкая армия не в состоянии собрать силы, достаточные для подавления парашютных и партизанских частей в своем тылу? Да, не в состоянии. Не в состоянии потому, что десантники умело организуют оборону, разрушая и преграждая дороги, владея лесами. Лес — это зеленая броня десантников и партизан. И еще потому бессильны немцы, что обстановка не позволяет им бросить против советских районов главные резервы, а районов таких в их тылу множество, и районы эти помогают друг другу, не позволяя немцам снимать гарнизоны в одном месте для наступления в другом.

Вот и на этот раз, отбросив наступающего противника, основательно раскровянив ему рыло, десантники уже в следующий день по приказу командования выступают в дальний поход.

В лес уходит разведка. У разведчиков — лопаты и топоры за поясом, компасы на руке. Разведчики должны проложить путь в глубину вражеского расположения. Вечером — донесение: идем по пояс в снегу, достигли такого-то пункта.

За разведкой втягиваются в лес подразделения. Уже и в лесах снег теперь с каждым днем тает. Сплошной черной сеткой лежат на нем древесные ветки, кусочки коры, желтые дубовые листья. В глубине

снег зернист и сыпуч, как песок; он теперь лишен вязкости, и нога тонет до земли, до воды.

Битая тропа идет то просекой, а то и прямо так, чащобой. Люди несут личное оружие, пулеметы, минометы, боеприпасы. Людьюми доставляется к колонне и пища. Связисты тянут телефонный провод.

Когда тропа уже широко протоптана, направляется в лес санный обоз, причем через чащобы дорога прокладывается топором. Однако полозья то и дело захватывают оттаивающий материк; обессилевшие лошади встают или падают в оврагах, уже наполнившихся водой. Ездо-вые бросают сани и везут грузы вьюками, а когда лошадь все-таки выбивается из сил, берут груз на свои плечи.

Но идут и идут десантники битой лесной тропой, идут, запустив вперед щупальцы разведки, выставляя скрытые засады с обеих сторон перед вражескими гарнизонами. А эти гарнизоны есть и слева и справа.

Сжует боец на ходу сухарь, запьет талой водицей и идет и идет по сыпучему снегу, по воде. Во время привала выжмет портянки — и дальше.

Но вот объявлен ночной отдых. Где-нибудь под навесом разлапой ели разгребается снег для костра, и бойцы садятся вокруг огонька, греют мокрые ноги, сушат сапоги и портянки, дремлют, склонившись друг к другу на плечо.

Кое-кто читает письма. Пятнадцать писем подряд: их привез с Большой земли самолет. Потом берет карандаш и пишет матери, пишет своей любимой. О чем? Воюем, бьем ненавистного немца; наши дети не будут невольниками этого гада. Ни слова о том, как трудно идти битой тропой через лес, на опушках которого сидят немцы. Таков уж русский человек. Может быть, и расскажет он все о пережитом, но только после войны. Впрочем, ведь там, на Большой земле, всё знают. И что же? Вот улыбнулся счастливец, получивший пачку писем. Любимая жалеет, что ее не взяли в десантный отряд. И все у костра растроганно улыбнулись, как будто каждому легла на плечо теплая, ободряющая рука.

Проходит ночь. Команда. Десантники поднимаются и идут дальше битой тропой по лесу.

Но вот разведчики видят просвет меж деревьями. Это населенный пункт, занятый врагом. Камень, под которым укрылись змеи, приползшие с чужбины. Разведчики — на опушке. Фрицы безмятежно гуляют по улице. Разведчик умеет ценить время, но он умеет также терпеливо выслеживать врага.

Час, другой, третий сидят разведчики на опушке. Теперь, наконец, они взяли на учет всех часовых вражеского гарнизона. И они вброд через речушку, по огородам входят в населенный пункт, входят в дом и спрашивают у изумленной, остолбеневшей от радости русской женщины о вражеском гарнизоне.

И затем возвращаются в подразделение. Теперь они дорожат каждой минутой. И каждой минутой дорожит командир Ануфриев, которому разведчики докладывают об обстановке.

Итак, немцы не подозревают о том, что над ними занесена железная рука. Ануфриев решает атаковать врага с ходу.

Подразделения разворачиваются в лесу. Онуфриев сам ведет десантников в атаку.

...Комиссар Щербина быстро пробирается через лес. Он идет напролом, не успевая раздвигать руками ветки кустарников на опушке. Стараюсь и я не отставать. Вот болото. Ноги вязнут, вода набирается за голенища сапог. Впереди уличный бой. Перебегая от дома к дому, вхсдим на окраину села.

Немцы еще держатся в центре. На водонапорной башне — их пулемет; все прогалы между домами простреливаются.

Атакующие обтекают улицу с обеих сторон.

Тяжело ранен, упал и не может подняться боец, выдвинувшийся с ручным пулеметом на проталину за угол дома. Проталина простреливается с башни и из домов в центре села. А бойца надо вынести. И ручной пулемет нужен в бою. И вот, пригнувшись, во весь дух бежит через проталину боец. Подхватив пулемет, он благополучно скрывается в сарае и открывает огонь по башне.

Инициатива его понята. Прячась за плетеными заборами, из-за сараев десантники открывают ружейный огонь по дому, где засели немцы. Огонь противника редет. Группы, обтекающие село с флангов, быстрее устремляются вперед. То в одном месте, то в другом слышится извечное русское могучее «ура». Немцы выскакивают на улицу и падают мертвые. Но иные немецкие огневые точки вновь оживают. Опять меж домами летят-ноют пули.

Уже захвачен хозяйственный двор немецкого гарнизона. Освобождены пленные красноармейцы. Изможденные люди сбрасывают свое стрепье, надевают полушубки, оставленные немцами в одном доме, и бегут на хозяйственный двор. Зная, где стоят у немцев телеги и сани, где сложена сбруя, они быстро запрягают лошадей и под обстрелом увозят в лес раненых десантников. С радостью покрикивают они на лошадей. Не замечая воды и грязи, бредут рядом с телегами. Потом они скачут назад и нагружают телеги продовольствием из немецкого склада. Они хотят приготовить своим освободителям добрый трофейный ужин.

А уличный бой продолжается. Умолкла наконец водонапорная башня. Один за другим затихают занятые немцами дома. Крики «ура» время от времени раздаются уже только на дальней окраине. Потом то, что осталось от немецкого гарнизона, катится в лес. В сумеречном воздухе видны летящие оттуда трассирующие пули. Но потом и в лесу настигает немца русское «ура».

Гарнизон разгромлен.

Десантники идут по домам, вытаскивают из-под нар наиболее трусливых фрицев. Жители указывают, где надо искать. Десантник входит, направляет под нары луч своего фонарика и сразу видит подшвы немецкого сапога с белыми металлическими шипами.

Десантник торжественно восклицает:

Группа сержанта Скоробогатова пробирается через лес.

— Эй, фриц, гоняешь мокриц? Навоевался, вылезай.

Ночью в шалаше командиры подводят итоги атаки.

Ануфриев говорит:

— Торжествовать мы будем после, когда вернемся к назначенному месту, благополучно завершив операцию. Завтра нам придется выдержать большой бой.

7. НА РОГАТИНУ!

Ожидания Ануфриева оправдались. С утра началась немецкая контратака. Прежде всего налетели самолеты. Посыпались бомбы на склады, которые все равно надо было уничтожить. С различных направлений открыла огонь артиллерия.

Все это входит в расчеты десанта: привлекать на себя силы противника, облегчая операции наших армий с фронта. Но, однако, положение создалось трудное. Немцы били осколочными снарядами по передовым позициям десантников и шрапнелью по лесу над дорогами. Случайно на одной из точек обстрела оказался командный пункт Курышева. Снаряды разрывались в воздухе так часто, что не успевало растаять одно черное облачко, как уже распускалось другое. Шрапнель срубала ветки. Людям пришлось прятаться за деревья. Сдержанный,

уравновешенный командир Курышев перенес КП в более безопасное место и продолжал руководить своим отрядом.

Теперь пошла в атаку пехота противника. Наступил тот критический момент боя, в который обычно десантники показывают свое превосходство над врагом. И на этот раз огнем пулеметов и автоматов они прижали противника к земле. Немцы наступали в двух направлениях. Они попытались обойти фланги, но всюду их встречал губительный огонь.

Часа в три пополудни прибежал запыхавшийся разведчик. Колонна в триста немцев со стороны К. в глубине леса выходила в тыл десанту.

Узнав об обходном движении немецкой колонны, командование решило усилить засаду, которая давно уже оседлала забросленную дорогу.

В засаде были двадцать три человека. Они провели сутки в снежных окопах. Было солнечно, некоторые дремали, сидя или лежа на псваленных деревьях. По команде все заняли замаскированные места. Приближалась вражеская разведка. Пели жаворонки, было тепло; немцы шли, сняв пилотки и полурасстегнув шинели. Их уже считали — тринадцать человек — и потом уничтожили одним коротким огненным ударом. Особенно успешно действовал пулеметный расчет Катюхина.

Немецкая колонна поспешила к месту боя и тоже попала под губительный огонь. Колонна все же развернулась и пошла в наступление на горстку десантников. Тут десанникам помогли преимущества избранного рубежа. Впереди был овраг, полный воды. Левый фланг немецкой цепи не сумел преодолеть под огнем водную преграду и залег в снег. Видя это, и на правом фланге немцы остановились. Тем временем засада, получив подкрепление, усилила огонь. Немцы заняли оборону. Так прошел день.

Ночью десантники, оставив на месте боя лишь небольшой заслон, вышли из этого района и под утро расположились на отдых на полпути к советскому району. Здесь было получено много хороших новостей.

Бойцы узнали, что на имя командира Казанкина и комиссара Оленина пришла телеграмма с Большой земли от генерала армии Жукова. Командующий Западным фронтом писал:

«Сегодня опубликован приказ Президиума Верховного Совета, которым Вы награждены орденом Красного Знамени. Горячо поздравляем Вас с высокой правительственной наградой и желаем новых боевых успехов в героических делах десантников».

Орденами были также награждены многие десантники в стрядах. Другие с полным основанием надеялись получить награды за только что законченную операцию, во время которой было убито четыреста немцев.

Уже подводились итоги двухдневных боев.

Одно только тревожило десантников — судьба заслона. Но вскоре и эта тревога рассеялась.

На командный пункт явился боец Парфенов и доложил:

— Привел одного фрица и одну черную кобылу.

После боя. Вручение орденов. Комсомолец радист Кушнарев получает орден Красной Звезды.

Оказывается, немцы просидели в обороне до утра. Когда они снова двинулись в наступление, перед ними был безлюдный лес. Застава укрылась, так как ее действия были уже не нужны. Немцы расположились в лесу. Так как все припасы в населенном пункте были уничтожены, то ефрейтор был направлен в дальнюю экспедицию за горячим обедом для обер-лейтенанта. Однако обер-лейтенанту пришлось пообедать всухомятку, так как ефрейтора вместе с горячими кушаньями захватили в плен бойцы засады. Его имя — Вилли Юнгеблуд, он из 1-го батальона 14-го полка. Это потрепанный фриц; он провел в России зиму и теперь считал прожитые дни, ожидая смерти. У него унылый вид и рваное обмундирование.

Десантники, участники похода, возвращаются в свой район.

Тяжело раненного товарища бойцы, уложив на самодельные носилки, несут на плечах. Они идут день и ночь, по колено в снегу, иногда проваливаются по пояс, иногда падают в воду, но не роняют носилок. Двенадцать человек, по четыре в смену, несут одного раненого. Наконец, они добираются до деревни, входят ночью в незапертый дом. Жители не закрывают дверей, чтобы усталый, промокший или раненый боец мог войти, выбрать себе место в избе и отдохнуть.

Приходит врач. Бойцы возвращаются в часть. Утром боец скажет:

— Пи-ить...

И хозяйка подаст ему воды. Потом она предложит молока, если только у нее сохранилась корова. Может быть, раненый так и останется лежать в этом доме. Тогда ребятишки будут по утрам следить за курицей, и как только она снесется, схватят яйцо и с радостным визгом побегут к матери:

— Мама, вари для парашютиста!

Здоровые готовятся к новым победным схваткам.

Снова далеко отогнан немец, но долетают до деревни его снаряды.

Бойцы говорят:

— Мы гоняли немца зимой, не давали ему покою. И еще как погоним летом! А когда он, разъяренный, кинется в атаки, мы будем подставлять рогатину крепкой обороны, как наши деды подставляли рогатину, когда шел на них раненый разъяренный медведь.

...Лечу на восток. Снизу медленно ползут к самолету разноцветные искры трассирующих пуль. Но вот линия фронта позади. Летчик с деловитой решительностью ведет самолет на посадку. Быстро вырисовываются во тьме очертания лесов. Вот они уже курчавятся, вот уже поляна летит снизу под колеса самолета.

Теперь еще виднее, сколь огромен подвиг людей, ежедневно борющихся в тылу врага. Хочется сказать первому же человеку, которого встретишь на Большой земле: помни всю жизнь о наших славных парашютистах, которые громят врага в его логове. Их подвиги — бессмертны.